

*Д.В. Байдууж**

НЕ ТОЛЬКО ЮБИЛЕЙ:
ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОМ ГЕОРГИЕВИЧЕМ
ЕМАНОВЫМ

31 октября 2018 г. 60-летие отмечает А.Г. Еманов, заведующий кафедрой археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института социально-гуманитарных наук Тюменского университета, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор исторических наук. Мы приводим запись беседы с основоположником тюменской медиевистики.

Ключевые слова: история медиевистики, персональная история, Кафа, византистика, итальянистика.

DOI: 10.7868/S0131878018040086

NOT MERELY A JUBILEE: INTERVIEW
WITH ALEXANDER GEORGIYEVICH EMANOV

In October, 2018 the 60 anniversary of A.G. Emanov, the head of the department of archeology, ancient and medieval history of Institute of the social humanities of the University of Tyumen, professor, the honorary employee of higher education of the Russian Federation, the doctor of historical sciences. Here is a conversation with the founder of the middle ages studies at Tyumen.

Keywords: Medieval studies history, personal history, Kafa, Byzantine studies, Italian studies.

– Расскажите, пожалуйста, немного о начале своего жизненного пути: где Вы родились, чем занимались родители, и как это повлияло на Вас в дальнейшем?

– Родной город – Тюмень. Родился здесь, люблю ее, всегда мне нравилась удивительными храмами сибирского барокко XVIII в., деревянной резьбой, ажурными дымниками на старинных

* **Дмитрий Валерьевич Байдууж** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института социально-гуманитарных наук Тюменского университета. E-mail: bayduzh@yandex.ru

деревянных зданиях. Согласно семейной легенде, мой дед – Тихон Лукич (я его не видел, ибо он умер еще до Второй мировой войны) – служил на Тихоокеанском флоте на канонерской лодке «Кореец», участвовал в знаменитом морском бою у Чумульпо вместе с крейсером «Варяг» с японским флотом, был в японском плену, возвратился на родину по обмену пленными. Совсем недавно нашел подтверждение этой легенды, натолкнулся на материалы японского архива времен Русско-японской войны, выставленные в Интернет, на списки военнопленных с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», записанные латиницей, и в них нашел фамилию деда, напротив нее было отмечено, что он кавалер орденов Святого Георгия... Мой отец – Георгий Тихонович – тоже моряк, в период Великой Отечественной войны он служил на Черноморском флоте на канонерской лодке «Красная Абхазия», участвовал в обороне Севастополя, в эвакуации его защитников на Кавказ, в освобождении Новороссийска, Керчи, Севастополя, Одессы. Трижды был тяжело ранен, мама трижды получала на него похоронки, как по «Житию Святого Георгия» – трехкратное умирание и воскресение... Последнее ранение было особенно тяжелым, он был отвезен далеко в тыл, в Омск, находился в бессознательном состоянии в палате среди неопознанных и обреченных. Там его увидела и узнала мамина сестра, она и сообщила маме, что Гоша жив, помогла выходить. Возвратился отец домой после госпиталя только в конце 1945 г. Я появился на свет через 13 лет после этого, с детства мечтал о морских путешествиях, плаваньях, носил матроску, бескозырку, тельняшку. После 8 класса даже подавал заявление на поступление в Нахимовское военно-морское училище в Ленинграде, проходил комиссию, но на самом последнем этапе выявились какие-то противопоказания в структуре глазного дна... В школе мне в равной степени нравились все предметы. С удовольствием занимался и математикой, и геометрией, и химией, и биологией, участвовал в олимпиадах по многим дисциплинам, особенно часто по иностранному языку. История запала в душу с 5 класса, когда изучался Древний мир. Вела этот предмет Антонина Ивановна Береженцова, учитель от Бога, пожилая, седовласая; она выделялась артистичной речью, яркой эмоциональностью, сильным воображением, способностью передать ученикам незабываемые образы Древней Греции, Древнего Рима, которые потом много лет спустя находили подтверждение в высоконаучных 3D моделях древнегреческого полиса и древнеримской цивитас западных антиковедов.

В 9–10 классах уроки истории вел Василий Алексеевич Пойманов, тоже незаурядный педагог, эрудит, прекрасно знавший мировую

культуру и словесность. Он был выходцем из Одессы, окончил историко-филологический факультет Казанского университета еще перед войной, воевал вместе со своими первыми учениками, свободно говорил по-английски и по-французски, выделялся совершенной речью, ясной мыслью и артистическими талантами. Мне доводилось бывать у него дома, видеть газеты и журналы на английском и французском языках, листать страницы книг из собраний сочинений выдающихся русских историков Сергея Михайловича Соловьёва, Василия Осиповича Ключевского, Евгения Викторовича Тарле из его великолепно подобранной исторической библиотеки. Но из всего этого интеллектуального богатства мой взор и выбор остановились на «Библии», и учитель дал мне ее почитать... В ту пору «Библия» была «запретной» книгой, ее нигде не было. Ее невозможно было сыскать даже в университетской библиотеке. История библейских патриархов, пророков, мудрость «Экклезиаста» надолго завладели моим воображением. С младших классов был записан в три библиотеки, читал мировую классику, начиная с Гомера, книги по истории, искусству. Особенно сильное впечатление произвели сочинения Вальтера Скотта, его «Квентин Дорвард», «Айвенго», произведения Генрика Сенкевича, его «Камо грядеши», Александра Дюма. В школьную пору прикоснулся к средневековому героическому эпосу, к «Песни о Роланде», «Песни о моём Сиде», хотя в школьной программе они отсутствовали. Впрочем, глубины этих текстов открылись много позднее.

– *Как Вы пришли к медиевистике?*

– По окончании школы мне предсказывалось поступление на математический факультет. И учитель математики, с которой вальсировал на выпускном балу, советовала развивать дальше математические способности. Но мое сердце склонялось к истории. Под влиянием моего учителя обращал свои помыслы к Казани. Но коль скоро родители мои были уже в возрасте, мама довольно часто хворала, то предпочел далеко никуда не уезжать, решил поступать в Тюменский университет, подал документы. Конкурс был безумным, но посчастливилось попасть в число избранных.

Начало обучения на историко-филологическом факультете совпало с похоронами профессора Павла Ивановича Рошчевского. Тогдашний декан В.А. Данилов вызвал к себе с нашего курса ребят постарше, которые уже служили в армии, а из младших, кто сразу после школы – только меня. Нас отправили готовить последнее место упокоения для кумира нескольких поколений тюменского университетского студенчества. Это были первые в моей жизни «земляные работы»,

потом доводилось работать в раскопках в археологических экспедициях в Сургуте, Старом Крыму, Херсонесе. Много лет спустя по архивным материалам мне удалось выяснить, что Рощевский учился в аспирантуре у самой Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской в Ленинграде, свободно владел французским, готовил кандидатскую диссертацию о Жаке Кёре, незавершенная рукопись которой сгорела во время бомбардировки Курска, где начинал преподавательскую деятельность Павел Иванович. На факультете преподавали еще такие профессора, как Л.Е. Файн, историк-аграрник, Д.И. Копылов, историк индустрии, В.И. Степанов, специалист по истории Крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Профессора проводили занятия по курсу «Введение в специальность», вели кружки по своим научным интересам, активно приглашали к себе первокурсников. Но что-то удержало меня от этих занятий.

Мой выбор определился на втором курсе, когда Валерий Павлович Степаненко, еще без ученой степени, без каких-либо ученых званий, всего лишь старший преподаватель, начал читать лекции по истории Средних веков. Делал он это невероятно харизматично, темпераментно, ярко и убедительно. Он – выходец из уральской школы византистики, ученик М.Я. Сюзюмова, в ту пору как раз завершал кандидатскую диссертацию об армянских государствах эпохи Крестовых походов. Степаненко выделялся острым, критическим умом, феноменальной эрудицией, необыкновенной любовью к памятникам книжности, изобразительного искусства, артефактам средневековой эпохи. Собственно говоря, он и предложил мне заняться историей средневекового Крыма, еще точнее, историей Кафы XIII–XV вв. С кафедрой сюжетом довелось выступить на студенческой научной конференции. Тогда они были масштабнее, нежели сегодня: все историки находились в одной секции. Помимо исторической секции, выступал еще в секции по экономике, и в обеих мои доклады были отмечены в качестве лучших. Экономический доклад о раннем капитале было рекомендовано представить в формате лекции перед целым курсом историко-филологического факультета в 100 человек. Так, еще на студенческой скамье была прочитана моя первая университетская лекция. На том же втором курсе были еще олимпиады, довелось съездить в Свердловск, поучаствовать в одной из них и тоже как-то отличиться.

– *А как в Вашей судьбе появился Ленинград?*

– После конференционного и олимпиадного успехов, по рекомендации Степаненко, только что защитившего кандидатскую диссертацию и оказавшегося в фаворе у университетского руководства,

мне было предложено продолжить обучение в Ленинградском университете на кафедре истории Средних веков. Это был первый опыт целевой подготовки молодых специалистов для растущего Тюменского университета. Наряду со мной, отобранного для целевой подготовки по медиевистике, был определен для совершенствования по русскому средневековью Сергей Пашин, мой однокурсник по ленинградским штудиям; были еще талантливые студенты, отправленные заниматься физикой, биологией, русской литературой. Мы отправились в Ленинград, объект моих еще школьных мечтаний и грез. Мне было предложено на выбор либо еще раз поучиться на втором курсе, либо перейти на третий курс, но с досадой гораздо большего количества дисциплин из-за разницы в учебных планах. Но коль скоро на втором курсе значились специальные исторические дисциплины, такие, как «Нумизматика», «Латинская палеография», «Геральдика» и др., то я счел необходимым прослушать их в полном объеме, а не сдавать экстерном, одним словом, еще раз поучиться на втором курсе... Этот выбор оказался абсолютно верным. Каждая из специальных исторических дисциплин читалась так, как будто она была наиглавнейшей в подготовке историка вообще, а тем паче медиевиста. «Нумизматику» представлял Всеволод Михайлович Потин, ас в определении монет западноевропейского Средневековья, член многих нумизматических обществ Европы и Америки. Лекции читались в Эрмитаже, в отделе нумизматики, который он тогда возглавлял. Нам представлялась возможность прикоснуться к монетам, попробовать читать их легенды, определять метрологические характеристики, вес, диаметр. «Латинскую палеографию» в течение учебного года вела Людмила Ильинична Киселева, составитель каталогов латинских средневековых рукописей, прекрасно знавшая латиноязычное рукописное наследие Средневековья в библиотеках тогдашнего СССР. Один семестр был посвящен теории, лекции читались в университете, на кафедре истории Средних веков. Второй семестр – практика, мы занимались в отделе редких книг Библиотеки Академии наук, которым в ту пору руководила Киселева. Мы пытались работать с рукописными кодексами Средних веков, пробовали читать, высказывать предположения об атрибуции. Курс «Геральдика» читал профессор Александр Николаевич Немилов. Занятия проходили на кафедре истории Средних веков, использовались обширные коллекции слайдов. Еще больше запомнились в исполнении того же Немилова лекции по истории средневекового и ренессансного искусства. Часть занятий проходила в университете на кафедре истории Средних веков, сопровождалась изумительным

видеорядом на слайдах. Но самая значимая часть занятий переносилась в Эрмитаж. Немиллов необыкновенно виртуозно интерпретировал сюжеты полотен средневековых и ренессансных мастеров, когда каждая отдельная картина воспринималась как глубокомысленный трактат, этакое «умозрение в красках». Так мы приобщались к подлинным шедеврам искусства Средних веков и Возрождения, получали опыт самостоятельного объяснения визуальных сюжетов.

С особой ностальгией вспоминается курс «Средневековый быт» в исполнении Николая Евгеньевича Копосова, совсем еще юного, недавно закончившего университет, только что начавшего работать ассистентом на кафедре. Он говорил о том, что ели и пили в Средние века, как одевались, в каких жилищах жили... Средневековый мир оказывался отнюдь не примитивным, вовсе не сумеречным, в нем хватало места доброте, свету, семейному уюту, любви... Свободный разговор сопровождался демонстрацией слайдов.

Был еще значимый курс «Римско-византийское государство и право». Его вела Галина Евгеньевна Лебедева, тогда еще кандидат наук и доцент, активно исследовавшая кодификации Феодосия и особенно Юстиниана, готовя докторскую диссертацию по проблемам социальной динамики ранней Византии.

Ярким событием были лекции профессора Георгия Львовича Курбатова, тогдашнего заведующего кафедрой истории Средних веков. Он читал курсы «История Византии», «Переход от Античности к Средневековью», «Византийская культура», «Запад и Восток в Средние века», позже превращавшиеся в сюжеты новых книг. Его лекции преподносились в особой манере, которую я позднее определил как «экспромт». Это было свободное размышление вслух по поводу остро дискутировавшихся тогда проблем византиноведения. Конечно, такой экспромт был подготовлен всей его напряженной жизнью ученого-византиноведа, проводившимися одновременно многоплановыми исследованиями, широкой научной коммуникацией. На лекции Курбатов всегда приносил самые новые, только что вышедшие из типографии книги, а порой какой-нибудь подлинный, рукописный текст на среднегреческом (византийском) языке, и эти новые и старые тексты становились отправным импульсом для очередного увлекательного экспромта. Он легко обращался к концептам самых разных ученых из близких и далеких стран, которые были его современниками и с кем он активно общался. Его незабываемые лекции создавали ощущение непосредственного рождения совершенно нового знания, которым еще никто в научном мире не обладал, кроме лектора, и которым он щедро одаривал своих слушателей. Сам

Курбатов в моменты таких озарений словно воспламенялся, и этот невидимый интеллектуальный пламень захватывал нас.

Был еще шикарней курс по «Историографии истории Средних веков». Его читала профессор Валентина Владимировна Штокмар. обстоятельно, не спеша, в течение года она рассматривала одну научную школу мировой медиевистики за другой. Она находила место в своем курсе трудам не только академических ученых, университетских профессоров, но и таких фигур, как Вальтер Скотт, книги которого я знал со школьной скамьи и до той поры воспринимал их как fiction, без какой-либо источниковой основы. По этому курсу мы должны были составить систематизированную и аннотированную библиографию на карточках. В презентации профессора Штокмар посчастливилось прослушать еще спецкурс об английском парламенте позднего Средневековья. Этот курс позволил в деталях представить парламентский церемониал, начиная с созыва нового состава парламента, открытия сессий и заканчивая их закрытием и роспуском парламента, позволял проследить порядок избрания спикера, деятельность парламентского пристава с булавой, общее устройство Вестминстер-холла.

Нельзя не вспомнить профессора Владимира Александровича Якубского, крупного российского слависта и полониста. Он вел курс «Источниковедение Средних веков», отличался острым критическим умом, иронией. Помню, выступал у него с докладом, представил материалы количественной обработки лингвистических источников по средневековому Крыму, встретил весьма обстоятельный критический разбор едва ли не каждого своего высказывания. Конечно же, безгранично признателен за столь благодатное внимание.

Из приходящих профессоров самой яркой фигурой был, конечно же, Виктор Иванович Рутенбург, заведующий сектором всеобщей истории Ленинградского отделения института истории Академии наук, член-корреспондент Академии наук, член исторических обществ Лигурии и Тосканы. Посчастливилось слушать его спецкурс «Истоки Рисорджименто», позднее облеченный в форму книги. Именно с Рутенбургом, по совету Курбатова, я пообщался по поводу своих кафских интересов, и он порекомендовал сконцентрироваться на истории торговли Кафы и ограничиться концом XIII в., обеспеченным значительным массивом только что заново и более полно опубликованных нотариальных актов. Собственно говоря, он и стал научным руководителем моих курсовых и дипломной работ. Конечно, он был человеком необыкновенно занятым, часто бывал в заграничных командировках, входил в руководство международной

комиссии по истории городов, научного совета по истории мировой культуры Академии наук, возглавлял комиссию по проблемам культуры Возрождения, руководил всеми конференциями по истории ренессансной культуры, редактировал их сборники. При этом он всегда находил возможность читать мои рукописи, отдельные главы курсовых работ, тезисы докладов на научные конференции. Он неизменно оставлял множество пометок по тексту. Одну из таких рукописей он предложил отправить на всероссийский конкурс студенческих научных работ, написал лестный отзыв. Рутенбург познакомил меня с А.С. Кантор-Гуковской, вдовой М.А. Гуковского, дабы я поработал с уникальными итальянскими изданиями его домашней библиотеки. Так я соприкоснулся с недоступными прежде изданиями по истории генуэзских дождей, лигурийской геральдике и нумизматике. По ходатайству Рутенбурга мне был выдан читательский билет в Библиотеку Академии наук, хотя студентов в нее тогда не пускали, и я получил доступ к редким картам отдела картографии, к заветным инкунабулам с текстами генуэзских анналов и хроник Джорджо и Джованни Стеллы, Умберто Фольеты и Агостино Джустиниани, получил шанс заказывать книги по международному библиотечному абонементу.

Помимо этого, в Ленинграде предоставлялась возможность послушать публичные лекции самых ярких московских медиевистов и византинистов. Так, довелось услышать в конференцзале Библиотеки Академии наук Сергея Сергеевича Аверинцева, недавно защитившего докторскую диссертацию по ранневизантийской поэтике и пользовавшегося немислимой популярностью. Довелось услышать в Ленинградском отделении института истории Академии наук Арона Яковлевича Гуревича, «категории средневековой культуры» которого ленинградская медиевистическая публика восприняла как ретрансляцию основательно забытых «элементов средневековой культуры» П.М. Бицилли.

Особо ценный опыт давали научные конференции. Кафедра истории Средних веков, впрочем, как и прочие кафедры Ленинградского университета, ежегодно весной проводила конференцию. На ней не было никакого жюри, не практиковалось определение дипломов первой, второй, третьей степени. На равных выступали и профессора, доценты, ассистенты, аспиранты, и студенты. Преподаватели и аспиранты должны были участвовать обязательно, студенты по рекомендации научных руководителей. Это был своеобразный публичный отчет о результатах индивидуального научного исследования за год. Открывал конференцию доклад заведующего кафедрой

профессора Курбатова, затем следовали доклады его учеников, аспирантов, студентов, далее представлялись доклад профессора Штокмар, ее учеников, и т.д. К моим докладам проявляли живой интерес и Георгий Львович, и Валентина Владимировна. Так, доклад о кафских двязычных монетах Штокмар попросила почитать, а потом посоветовала подготовить статью. Пару раз удалось съездить на студенческо-аспирантские научные конференции в Московский университет, организовывавшиеся кафедрой истории Средних веков. Их идейным вдохновителем выступал Сергей Павлович Карпов, тогда еще кандидат наук, старший преподаватель, замещавший З.В. Удальцову в заведовании кафедрой. Общение с ним открывало новые горизонты в изучении экономической истории Кафы XIII–XV вв. На этих конференциях познакомился с самыми талантливыми учениками Карпова – Андреем Пономаревым, Рустамом Шукуровым, Светланой Близнюк. Открытием тех конференций стали Светлана Лучицкая и Михаил Бойцов.

Хорошим полем интеллектуального возмужания были археологические экспедиции. С 1980 г. я стал ездить в составе археологической экспедиции Эрмитажа под руководством Марка Григорьевича Крамаровского в Старый Крым, участвовал в раскопках мечети Узбека, солхатского караван-сарая, объездил всю береговую полосу Крыма, где были генуэзские крепости, кроме Балаклавы, поскольку крепость Чембало попадала в запретную зону секретного военного объекта.

Из студенческого общения ленинградской поры наибольшее влияние оказали мои старшие друзья Андрей Березкин и Олег Чертов. Березкин – уроженец Владивостока, англовед, ученик Штокмар, кладезь ума, тонко чувствующий искусство, как средневековое, так и более позднее, к примеру, русского серебряного века, сегодня – доцент кафедры зарубежной и русской культуры Санкт-Петербургского университета. Он жил тогда на улице Белинского, 11, в квартире художника Владимира Лебедева, автора карикатур на большевиков, плакатов «Окон сатиры РОСТА» и иллюстраций детской литературы, и Ады Лазо (дочери Сергея Лазо). По сути, это была мемориальная художественная мастерская, где все дышало искусством. С ним посещали все художественные выставки тогдашнего Ленинграда, открыли сокровища Тиссена-Борнемиса, необычные рисунки Николая Пунина, Велимира Хлебникова... Чертов – тоже сибиряк, из Омска, ученик Немилова, увы! трагически рано закончивший жизненный путь. Он увлеченно занимался интеллектуальным наследием Эразма Роттердамского, предпочитал работать архаично, как средневековый

скриптор, пользовался не технически сделанными копиями трудов Эразма – фильмокопиями, или ксерокопиями, а собственноручно переписанными. Сегодня я должен признать, что его подход оказался более перспективным, сейчас я уже не в силах разобрать поблекшие фильмокопии и ксерокопии, сделанные тридцать восемь лет назад, а рукописные выписки по-прежнему легко читаются. Благодаря Олегу Чертову я прикоснулся к исследованиям Йохана Хейзинги, задолго до наступления интеллектуальной моды на его книги в России. Чертов занимался переводом с латинского языка трактата Эразма Роттердамского «О приготовлении к смерти», тогда не известного русскому читателю.

– Вы окончили Ленинградский университет. А в аспирантуре где учились?

– Да, окончил исторический факультет Ленинградского университета, защищал дипломную работу на кафедре истории Средних веков. Рецензентом у меня был Лев Григорьевич Климанов, научный сотрудник сектора всеобщей истории Ленинградского отделения института истории Академии наук, в ту пору еще без ученой степени, но обладавший основательным опытом работы с латинскими средневековыми рукописными актами, актовыми печатями. Он очень внимательно прочел мою работу, взыскательно, по самым высоким меркам критиковал, отметил, что формула Гаусса, примененная мною для получения математически выверенных выводов, не очень-то убеждает, ибо она исчислена Гауссом, когда ему не было еще и шестнадцати лет и потом он ее не раз менял. После защиты была предоставлена уникальная возможность годичной стажировки на той же кафедре. Работал в библиотеках, в архиве Института археологии, проработал фонды Императорской археологической комиссии, Государственной академии истории материальной культуры, материалы археологических раскопок в Феодосии, начиная с 1880-х годов, фотоархив, получал множество изданий по международному библиотечному абонементу из библиотек Софии, Варшавы, Праги, Бухареста, Рима, Парижа, писал статьи, участвовал в обсуждении кандидатских диссертаций, к примеру, Валентина Меженина о Кипре XIV в., Ирины Воробьевой о далматинских городах под властью Венеции. В этот период приезжал в Ленинград молодой швейцарский византист Пауль Штрессле, готовивший докторскую диссертацию «Черное море и Константинополь в зеркале советской историографии». Он проходил тогда стажировку на кафедре истории Средних веков Московского университета, его курировал С.П. Карпов. Мы много с ним общались, я обратил его внимание на традиции

кавказской, украинской, молдавской историографий. Его книга по диссертационной тематике вышла в издательстве «Peter Lang» уже на излете СССР.

После года стажировки я продолжил обучение в аспирантуре. Ездил в археологические экспедиции в Старый Крым, участвовал в конференциях «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века» в Ростове на Дону, «Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв.» в Азове, участвовал в заседаниях кафедры, на которых обсуждались рукопись учебника Е.В. Гутновой «Историография истории Средних веков», докторская диссертация С.П. Карпова по истории итальянских морских республик в Южном Причерноморье XIII–XV вв., основанная на исследовании материалов архивов Венеции и Генуи.

– *А кто был научным руководителем кандидатской диссертации?*

– Руководитель поменялся, поскольку Виктор Иванович в ту пору сильно болел. Помог Георгий Львович. Он, памятуя о моем интересе к кафским монетам, порекомендовал пообщаться с Всеволодом Михайловичем Потинным. Потин принял меня по-отечески. Мне был выписан постоянный пропуск в отдел нумизматики Эрмитажа. Он поставил передо мной задачу – составить топографию всех известных находок кафских монет. Это потребовало заново проработать библиографии республик Кавказа, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, выбрать все публикации об археологических находках конца XIII–XV вв., выявить все упоминания кафских монет, как татарских, так и генуэзско-татарских, нанести выявленные локации на карту, соотнести их со средневековыми пунктами, определить интенсивность торговых коммуникаций Кафы. Получилось интересно.

– *Как определялась тематика Вашей кандидатской диссертации?*

– Я приехал из Тюмени в Ленинград с наметившимся интересом к истории Кафы XIII–XV вв., привитым еще Степаненко. Этот интерес был поддержан Курбатовым, нашел определенную целевую акцентуацию со стороны Рутенбурга. Контур будущего исследования уточнялся и корректировался в очень значимом для меня общении с Карповым. Тогда я не знал, что над диссертацией о Кафе много лет работала еще с довоенной поры Елена Чеславовна Скржинская, старший научный сотрудник в секторе Рутенбурга, но она так и не смогла ее оформить в законченный труд. Равно как я не

знал о попытке исследовать историю Кафы Марэном Михайловичем Фрейденбергом, еще в 1949 г. защищавшем в Москве дипломную работу об этом городе, которая тоже так и не нашла более действенного продолжения. В Московском университете Сергей Павлович Карпов и его ученики начали работать с массариями Кафы, с книгами городского казначейства 1374, 1380–1381 гг., выявленными в архиве Генуи, в которых ежедневно фиксировались доходы и расходы городских властей. В такой ситуации исследование экономической истории Кафы могло потребовать несколько десятилетий напряженного труда без надежды увидеть законченный значимый результат. И здесь Потин подтолкнул меня к изучению такого вектора экономической жизни Кафы, который доселе не находил отражения в известных документальных источниках, ни в нотариальных актах, ни в массариях. Этот северный вектор стал все более отчетливо мною осознаваться, оформляться в идею обмена между Севером и Югом, который в жизни Кафы занимал даже большее место, нежели обмен между Западом и Востоком. Потому я с особым благоговением вспоминаю Всеволода Михайловича, столетие которого отмечается в нынешнем году.

– Что было после защиты кандидатской диссертации? Были ли другие предложения, кроме возвращения в Тюменский университет?

– Предложения были самые лестные, но я смог удержаться от искушений. Я проходил целевую подготовку, после которой должен был возвратиться в направивший меня университет. Меня ждали в Тюмени, ибо Степаненко перешел в Уральский университет, на меня рассчитывали. Уже в расписании занятий была вписана моя фамилия, и занятия по истории Средних веков не проводились вплоть до моего приезда. Защита состоялась в ноябре 1986 г., а в начале декабря я уже был в Тюменском университете. Я читал лекции чуть ли не каждый день, наверстывая упущенное время. Восемь лет я готовился преподавать историю Средних веков, получил опыт чтения лекций на «Малом истфаке», лекций по средневековой истории Италии, Испании, Португалии на филологическом факультете Ленинградского университета, о которых высоко отозвался Копосов, назвав их «профессорскими». Конечно же, было большим счастьем читать свой любимый курс. Я оказался в обстановке максимальной свободы, полной поддержки и заинтересованности. По моему усмотрению определялась тематика лекций, семинаров, круг обязательных к усвоению исторических источников и монографий. Мои первые лекции в Тюменском университете проходили при полном аншлаге, на них, кажется, присутствовали не только студенты-

историки 2 курса, но и много других слушателей. Весь курс целиком изъявил желание писать курсовые работы по истории Средних веков, мне даже трудно было придумать такое количество тем. Потом и Тюменский областной музей изобразительных искусств обратился ко мне с предложением попробовать вести лекторий по средневековому искусству. Затем Тюменское областное отделение Всероссийского общества «Знание» заказало мне цикл лекций по искусству Средних веков. Мне посчастливилось обрести самую благодарную, чуткую, внимательную аудиторию. Где только я не выступал! Побывал во всех северных городах региона, выступал в леспромхозах, на буровых установках, скотофермах, в тюрьмах... Средневековье оказалось невероятно востребованным!

– Если вернуться к Вашему ленинградскому периоду: наверняка приезжали в качестве гостей, приглашенных лекторов какие-то звезды зарубежной медиевистики в Ленинград? Наверняка Вы для себя открыли какие-то новые яркие имена? И как Вы оказались впервые за границей?

– Действительно, много было разных встреч. Наиболее сильное впечатление произвел профессор Райнер Вольфайль из Гамбургского университета. Он приезжал в Ленинград по приглашению профессора Немилова. Вольфайль получил известность как основатель крупного центра по изучению Реформации и Великой крестьянской войны в Германии, он едва ли не первым начал исследовать листовки как средства визуальной массовой пропаганды идей реформаторов, использовавших технологии типографского тиражирования. Он мог целую лекцию посвятить одной единственной гравюре 1525 г. До сих пор в моей памяти живо возникает тот образ: социальное древо, на ветвях которого расположены представители разных стратов тогдашнего общества, с императором и римским папой на самой вершине и с крестьянами в самом основании, ноги и руки которых превратились в корневую систему, питавшую все древо. Запомнился Рольф Шпрандель, профессор Вюрцбургского университета. Он занимался социальной и экономической историей Средневековья, активно пользовался категорией «менталитет», под которым понимал групповые представления и формы поведения. В подобной непосредственной коммуникации, действительно, звучало немало новых имен. Это Эрвин Панофски, американский медиевист немецкого происхождения, эмигрировавший в США, позднее профессор Принстонского университета, открывший иконологию, Пол Кристеллер, американский специалист по Ренессансу также немецкого происхождения, покинувший Германию в годы фашизма, профессор

Колумбийского университета, разработавший методику анализа ренессансных гравюр.

Ленинградский университет предоставил мне и первую возможность познакомиться с зарубежными странами. После третьего курса была ознакомительная практика, в ходе которой студенты ездили в одну из стран Варшавского договора, знакомились с памятниками истории, музеями, художественными галереями столичных городов. Посчастливилось побывать в тогдашней Германской демократической республике, в Берлине.

– Насколько было политизированным занятие медиевистикой в советские годы в Ленинграде или, наоборот, медиевистика была таким окном в свободную науку? И как Вы впервые встретились с иными, альтернативными объяснениями Средневековья, например, той же «Школы “Анналов”», когда Вы открыли эти новые явления для себя?

– Медиевистика была полем свободного интеллектуального творчества, по крайней мере, так нам казалось в силу нашей молодости. На кафедре истории Средних веков Ленинградского университета старались обходиться без рассуждений о методологии исследования. Всегда живо актуализировалось суждение историка русского Средневековья Б.А. Романова: «заниматься методологией истории – всё равно, что доить козла». Методологические пассажи были внешними ритуализированными формами выражения лояльности, которые никак не влияли на дискурс российского историка-медиевиста.

С новациями «Школы “Анналов”» познакомился еще в студенческие годы, когда читал ранние труды Марка Блока и Жоржа Дюби, более основательно соприкоснулся в аспирантские годы. Но, признаюсь, всегда чувствовал близость к методологическим исканиям этой школы наших русских медиевистов дореволюционной поры Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли.

– На Вас все эти новые учения на каком этапе творчества оказали влияние? Аспирантские годы или, может, уже на стадии организации тюменской медиевистики?

– Влияние оказывали разные интеллектуальные традиции, степень «новизны» которых относительна. В студенческие годы это была неокантианская традиция, идущая от Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма и использовавшая методы «вживания в средневековое прошлое», «вчувствования в прошлое». В аспирантские годы, наряду со «Школой “Анналов”», повлиял структурализм, отталкивавшийся от идей российско-австрийского лингвиста и литературоведа Николая Трубецкого и российско-американского филолога

Романа Якобсона о структурах речевого высказывания и поведения, а также о соотношениях «образов мира» и «образов автора». В последующие годы мне были интересны достижения и новой социальной истории, контуры которой были заданы Юргеном Коккой, и социальной истории идей, обоснованной Альфонсом Дюпроном, и локальной истории, предложенной Эммануэлем Леруа Ладюри, и исторической имагологии, разработанной Хуго Дизеринком, и алиенологии, определенной Бернхардом Вальденфельсом, и истории памяти, представленной трудами Пьера Нора.

– Александр Георгиевич, у Вас по приезде был такой карт-бланш на создание тюменской медиевистики, такой, какой Вы ее видите. Как Вы наметили приоритеты тюменской медиевистики, как Вы их задали, определили новые проблематики, как Вы работали со своими учениками первого поколения, какие темы давали? Какими виделись ее задачи в провинциальном городе?

– Советскую медиевистику составляли национально-ориентированные направления исследований средневекового прошлого – германистика, англоведение, итальянистика, франковедение, испанистика и т.п. Единственным метанациональным направлением представлялось византиноведение. На кафедрах истории Средних веков ЛГУ и МГУ обязательно присутствовали представители всех этих ведущих направлений. Помимо этих «великих» историографий, могли реализовываться отдельными униками исследования в рамках «малых» историографий, к примеру, славянских, или балканских штудий. Я себя не соотносил ни с византинистами, ни с итальянистами, ни с какими-либо иными направлениями. Изучение космополитичной Кафы, где были греки и итальянцы, провансальцы и каталонцы, армяне и евреи, караимы и турки, татары и арабы, показало привычное дисциплинарное деление бессмысленным. Оказавшись в Тюмени, я еще более утвердился в этом, обратившись к таким проблемам, как этос, иначе совокупность ценностей, норм, идеалов человеческого поведения, или чума, или природные катаклизмы позднего Средневековья. Все эти феномены индифферентны к этническим и территориальным границам, безразличны к социальным градациям. Скажем, мое многолетнее изучение нотариальных актов Кафы XIII–XV вв. подвигло воспринимать их как непрерывную последовательность постоянно возобновлявшихся действий, ожиданий и свершений, вращавшихся вокруг понятий «lucrum», «profitum», «foenus», «usura», «capital». И каждое из этих понятий имело как буквальный, так и аллегорический смысл, отсылавший к невидимым прибылям и доходам для спасаемой души. Неудивительно,

что сделки заключались в дни определенных святых, а расчеты по ним приходились неизменно на дни перед Пасхой, когда невозможно было оставаться должником без риска для спасения души. И этими сделками занимались купец и моряк, ремесленник и школьный учитель, ученик и клирик, слуга и даже раб. Похожими качествами выделялись и универсальные коды корпоративной эмблематики, или константы умственной рефлексии позднесредневековых интеллектуалов. Близкий смысл обретали языковые универсалии в эпистолярном общении на разговорных языках позднего Средневековья с использованием латиницы и греческого койне, когда начал проявлять себя *lingua franca*, или поведенческие тотальности в праздновании Пасхи, или же дней Св. Георгия. Подобными проблемами и сюжетами на разном материале, на разных источниках пытались заниматься и мои ученики. Ими прорабатывались социальные, политические, экономические вокабулярии авторов позднего Средневековья, составлялись ментальные карты мышления средневековых интеллектуалов, смысловое ядро которых определяли термины с наибольшей частотой употребления, но где интересной оказывалась и периферия, ее верх и низ, правая и левая стороны. Наиболее мотивированные из учеников обратились к разработке эмблематики крупных идейных общностей, каковыми были, например, ордены.

– *Как проходило Ваше развитие как интеллектуала? Есть какие-то величайшие книги, которые на Вас повлияли, авторы этих книг? Как трансформировалось Ваше мировоззрение в посткандидатские, постаспирантские годы? Есть книги, которые сформировали Ваши интересы и взгляды? «Топ-10 книг профессора Еманова».*

– Если попытаться выделить авторов самых-самых выдающихся книг по медиевистике, то это будут:

Марк Блок «Короли-чудотворцы»;

Аби Варбург «Великое переселение образов»;

Роберт Дарнтон «Великое кошачье побоище»;

Карло Гинзбург «Сыр и черви»;

Жак Ле Гофф «Другое Средневековье»;

Йохан Хейзинга «Осень Средневековья»;

Эммануэль Леруа Ладюри «Монтайю»;

Отто Герхард Эксле «Действительность и знание»;

Мишель Пастуро «Символическая история европейского Средневековья»;

Эрнст Канторович «Два тела короля».

Зарубежные стажировки в Италию, Германию, Англию, Францию, Бельгию, Польшу давали возможность увидеть множество

несходных исследовательских оптик, взгляд на историю не с позиций властвующих, доминирующих социальных сил, не с позиций элит, каковой она пребывала вплоть до недавнего времени, а с позиций простого человека, не знавшего латыни, с позиций «безмолвных масс», самых разнообразных групп маргиналов. Участие в конгрессах византинистов в Копенгагене, Париже, Лондоне, в конгрессах по экономической истории в Мадриде и Буэнос-Айресе, конгрессах медиевистов в Лидсе знакомило как с глобальными проектами крупных международных институций, так и с оригинальными исследовательскими стратегиями отдельных ученых, представляющих множественный мир современной медиевистики.

– Александр Георгиевич, *Вы говорили, что за свою жизнь успели побывать неокантIANцем, структуралистом, постмодернистом, а сейчас? Есть подобное кредо?*

– Сегодня мне более предпочтительной видится теория плюриверсального сосуществования Энрике Дусселя, мексиканского антрополога, профессора Национального свободного университета Мехико. В противовес западнoцентристской доктрине, с ее принципами доминирования Запада, рационализации освобождения и одновременно иррациональной апологии насилия и геноцида, выдвигается идея равноценного существования множества других культур, которые не могут приноситься в жертву ради какой бы то ни было самой благой цели. Близкий смысл обретает плюритопическая теория Вальтера Миньоло, аргентинского культуролога. Оспаривая модное на Западе учение мультикультурализма, он развивает идею интерактивного взаимодействия множества культурных практик, равнозначного утверждения множества топосов, с которых познается мир и которые еще вчера совершенно игнорировались.

– *А что Вы относите к числу наиболее важных своих достижений? Чем Вы отметились в отечественной медиевистике 1990–2000-х годов?*

– В 1995 г. была опубликована моя книга «Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв.», которая была прореферирована Петером Шрайнером в «Byzantinische Zeitschrift». В этом году в издательстве «Алетейя» вышла моя книга «Между Полярной звездой и полуденным солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв.». В ней показывается, что мир обрел глобальный характер задолго до появления этого западного термина. И решающим фактором оказались не западные технологии, не западный политический гений, а монголо-татарское присутствие, образование новой политики Еке Монгол улус от Тихого океана до Адриатики с ее

системой ямов, личных пайцз, своеобразных лицензий на проезд, немислимой скоростью передвижений до 500 км в день, когда расстояние от Ханбалыка до Кафы в 10 000 км могло преодолеватся за 20 дней. Задолго до открытия трансокеанских морских путей на базарах и в караван-сараях Кафы встречались пряности с Молуккских островов в Тихом океане и острова Сокотры в Индийском океане, клыки моржа и шкуры белого медведя с Северного Ледовитого океана.

– *Над чем Вы работаете сейчас?*

– Работаю над новой книгой «Небесный Иерусалим, или хтонический Вавилон: судьбы средневекового города Кафы». Кафа рассматривается как космополис, созданный усилиями многих народов самой различной языковой, этнической и конфессиональной принадлежности, который выработал свою политическую форму, свое городское право, вобравшее обычаи греков, армян, татар и евреев, свою систему городского гражданства, где гражданами могли стать греки и татары, евреи и караимы, тогда как на Западе последние подвергались сегрегации и поражению в правах. Этот космополис обладал своей системой эталонов мер и весов, денежных и счетных номиналов, геральдикой и символикой.

(интервью взято 11.07.2018 г., Тюмень)